

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРЕСТУПНЫЕ ИГРЫ ГЕНИЯ

Он искал красивую
натуру, а нашел
убитую девушку...

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Преступные игры гения

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Преступные игры гения / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2023 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-192156-9

Гена развелся с Аней, но забыть ее не смог, и не только потому, что все еще любит бывшую. Полковник Анна Смирнова – непосредственный начальник майора Геннадия Сидорова, и они вместе расследуют запутанное дело. Кто-то убивает женщин и засыпает их лица измельченными в труху волосами. Первое преступление произошло пять лет назад, раскрыть его не удалось, и теперь убийца снова принялся за свое. Его жертвами становятся женщины, так или иначе связанные с художником Осетровым. Все они молодые и красивые – как и полковник Анна Смирнова, портрет которой очень хочет написать Осетров... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-192156-9

© Романова Г. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Романова

Преступные игры гения

© Романова Г.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы
ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Изменница поневоле
С первого взгляда	Закон сильной женщины
Второй подарок судьбы	Без вины преступница
Зеленые глаза викинга	Пленная птица счастья
Тайна, приносящая смерть	Ничего личного, кроме боли
Цвет мести – алый	Заговор обреченных
Не доставайся никому!	Узнай меня
Чужая жена – потемки!	Заповедник потерянных душ
Возвращаться – плохая примета	Ангел мщения
Врачебная тайна	Первый шаг к пропасти
Призрак другой женщины	Вкус запретного плода
Тайну хранит звезда	Исповедь обманутой жены
Семь лепестков зла	Свидетельницы зла
Свидание на небесах	Королева отшельников
Ведьма отмщения	Игры небожителей
Программа защиты любовниц	Грех с ароматом полыни
Кинжал в постели	Кукла-любовь
Гнев влюбленной женщины	Позови ее по имени
Лучший день в году	К северу от любви
Нирвана для чудовища	Пепел прошлого
Незнакомка с тысячью лиц	Псевдоним украденной жизни
Последнее прибежище негодяя	Цена откровения
Счастье с третьей попытки	Конец игры с продолжением
Подвенечный саван	Шоу семейных секретов
Заклятие счастья	В интересах личного дела
Торговка счастьем	Правда персонального формата
Амур с оптической винтовкой	Простить нельзя помиловать
Месть Спящей красавицы	Лабиринт простых сложностей
Демон ревности	Теория вероятного чуда
Преступно счастливая	Забавы мертвых душ
	Преступные игры гения

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПРЕСТУПНЫЕ ИГРЫ ГЕНИЯ

Глава 1

Место должно быть особенным. Просто лес, чаща или обычный овраг не подойдут. Эти места лишены смысла и красоты.

Место должно быть особенным.

Он медленно крутил педали велосипеда, колеся по загородному парку. Он искал и предавался меланхоличным воспоминаниям.

Когда-то этот парк был лесом. Густым, почти непроходимым. Зеленым весной и летом, бурым осенью и голым зимой. Потом с четырех сторон его взяли в кольцо застройщики многоквартирных высотных домов. Принялись кромсать под фундаменты гектар за гектаром, обкладываясь разрешениями, как подушками безопасности. И земли бесперспективные, и лес вымирает, и пожарная опасность из-за сухостоя высокая. Нашлось множество причин, чтобы урезать лес до размеров парка. Пусть большого, но парка. В лесу же не бывает тротуарных дорожек и скамеек. Всяких ларьков с мороженым и водой нет в лесу. Раньше на прогулку в лес брали с собой воду в бутылке и бутерброды в промасленной салфетке. Сейчас в этом нужды нет. Закусочные через каждые сто метров.

И не то чтобы ему это так уж не нравилось или казалось противным. Нет! Он сам не раз присаживался за дощатый столик и открывал картонную коробку с огненными куриными крыльшками или ножками. Ел, нравилось. Запивал горячим чаем или кофе из бумажного стаканчика. Тоже казалось сносным, хотя чудился привкус мокрого картона. Просто...

Он лишился в этом месте уединения. Невозможно было укрыться от посторонних глаз. Везде люди, всюду любопытные взгляды. Даже теперь, когда он просто медленно катит на своем велосипеде, он вызывает любопытство. Не у всех, нет. Но пары три-четыре внимательных глаз отыщется, если подсчитать.

Заметив чуть левее велосипедной дорожки подъем в гору, он прибавил скорости. Сюда на велосипеде мало кто совался. Слишком крутой затяжной подъем. Для пешей прогулки и вовсе эта дорога не подходила. Была узкой. Рядом идти не могли даже дети. Приходилось шагать гуськом. А кому это понравится на романтической прогулке в выходной?

Он с силой налегал на педали, медленно закатываясь на гору. Когда подъем сделался невыносимо крутым, он спешил. Оставил велосипед в зарослях справа от тропы. И пошел вверх пешком. Через пять минут оказался на ровном каменном плато размером пять на пять метров. Голое, гладкое, идеальное лобное место. Восстанавливая дыхание, он остановился в конце тропы, огляделся.

Слева и справа те же заросли колючих кустов. Что это за поросль, он никогда не задавался вопросом. Неинтересно. Гладкий камень плато отсвечивал серым. Даже при ярком солнце. Просто серый. Без всякой поэтической дребедени. Пять метров серого камня и крутой обрыв. А там – внизу – какая-то мелкая грязная речушка. Тоже никакой красоты. Но...

Если прийти сюда на закате солнца, дожидаться нужного света, то можно на холсте и реку сделать полноводной, и серый камень превратить в гранит.

Свет...

Ему нужен правильный свет. Тот самый: мягкий, удушающе бархатный. Он не может найти его в городе. И в любом другом месте тоже. А вот на этом крохотном плато, на закате, он поймает краткие минуты того, что ищет. Только бы никто не помешал. Только бы никто не поднялся следом за ним и не попытался завести праздный разговор. Тогда все, место будет осквернено.

Осторожно дозируя дыхание, чтобы не спугнуть предвкушение, он продвинулся на три с половиной метра. Остановился, покрутил головой в поисках западной стороны. Да, там. Как он и предполагал. Если он расположится с мольбертом в этой самой точке, то свет захо-

дыщего солнца будет обтекать его со всех сторон. И он получит то, чего так давно добивался. Он будет купаться в этом оранжево-багровом закате, выплескивая ощущения на холст.

Неожиданно к нижней губе его что-то прилипло. Что-то легкое, невесомое, как цветочная пыльца. Потом еще и еще. Он провел пальцами по губам, посмотрел на них. Одуванчик? Очень похоже. Белые тончайшие нити, потревоженные ветром.

Он нахмурился. Вот о чем он не подумал, отыскивая то самое особенное место. Ветер! Он способен всему помешать. Он может преломлять лучи, морщить облака, мусорить, как вот теперь.

Раздраженно потеряв палец о палец, он неожиданно понял, что это не одуванчик. Что-то иное, более жесткое. Да одуванчики и отлетели давно. Что это могло быть? Ведь если эта дрянь сядет на мокрый холст, то...

Новый порыв ветра поднял целое облако из колючих кустов, что обрамляли плато слева. И вдохнув полной грудью, он неожиданно уловил запах тлена. Этого еще не хватало!

Его картина должна быть исполнена теплой грусти, мягкой неги, ощущения безвременья. И там уж точно нет места ничему отвратительному и уж тем более мертвому.

А тут смердело! И еще как! Новый порыв ветра накрыл плато такой вонью, что его едва не вырвало. Повернуться бы и уйти. И поискать другое место. Но нет же, нет! Он не ушел. Мало того, двинулся к кустам, оцетинившимся колючками. Поискал глазами палку. Нашел что-то подходящее. Сунул ее в центр колючих зарослей, пошевелил, раздвигая вялые ветки. По ходу думал: если это какая-то глупая птица, погибшая, как в силках, в этих колючках, он ее просто вытащит оттуда и сбросит вниз. И если кошка, поступит так же. Но вот если это пес! Крупный и зловонный... Тогда он уедет отсюда и никогда больше не вернется. Место испохаблено.

Вялые ветки, сломанные у самого корня, послушно расступились под ударами палки. И там... Там...

– Нет же, боже! Нет!

Он стоял как пригвожденный и не трогался с места. Взгляд его – взгляд художника – в мельчайших деталях выхватывал все, что видел. А мозг запоминал.

Белое голое женское тело. Такое белое, что казалось мраморным. Тело молодое, красивое. Череп лысый. А на лице...

Вот что летело в его сторону! Вот что прилипло к его губам! Ее волосы – белоснежные, как пух. Их состригли с ее головы и покромсали почти в пыль. И вывалили на мертвое лицо. И они теперь разлетались, как пыль одуванчиков, и...

Вспомнив, как это прилипло к его губам, он шагнул назад. Согнулся пополам, и его начало рвать прямо на собственные белоснежные кроссовки. Когда в желудке не осталось ничего, он рухнул на колени прямо в свою блевотину, застонал от физической боли в животе. Нашарил телефон в заднем кармане шорт, достал его и набрал номер 112.

У него ушло целых пять минут на то, чтобы объяснить бестолковому оператору, что произошло и как он это обнаружил. Пообещав ей дождаться полиции, он с трудом поднялся, вышел с плато и зашагал вниз по тропе. Чуть не забыл о велосипеде, уже прошел метра два мимо, вниз. Но потом вернулся.

Не помнил, как спускался. Внизу уселся прямо на тропу, обхватил руками колени, пристроил на них подбородок и закрыл глаза. И как только он их закрыл, тут же увидел его – выбеленное смертью до каменного блеска мертвое женское тело.

Глава 2

Гена стоял возле двери своей бывшей квартиры с пальцем, занесенным над дверным звонком, и медлил. Позвонить следовало давно. Он стоял уже минут пять. Но палец сделался непослушным, почти деревянным. Застыл в пяти сантиметрах от кнопки уродливо согнутым, и ни с места.

– Твою мать... – прошептал он, скрипнув зубами.

И позвонил.

Она не открывала бесконечно долго. Много дольше, чем он решался в дверь позвонить. Он не уходил. Знал, что она дома.

– О, какие люди, – проговорила его бывшая жена совершенно без выражения. – Че надо?

– Поговорить, – он занес ногу над порогом.

– Все разговоры закончились на пороге загса, Сидоров. – Ее босая ступня ударила его по щиколотке. – Тебе в моем доме делать нечего. Нас с тобой больше нет. И разговоров о нас с тобой больше нет. Тебе что, плохо в новых отношениях, Гена?

Он закатил глаза, судорожно сглотнул и крепко стиснул зубы. Чтобы не наорать на нее, не наговорить лишнего.

Их больше не было, да! И он об этом совсем не печалился, скорее наоборот. Он был рад, что они расстались. Потому что их брак превратился в пытку. Они устали даже ненавидеть друг друга. И в новых отношениях ему было хорошо, комфортно, счастливо. Он обожал свою девушку. Скучал по ней, если не видел больше восьми часов. И восхищался тем, как она готовит.

Но разве скажешь об этом Анне? Она тогда его не то что для разговора не пустит, она его из окна выбросит. Из подъездного окна тринадцатого этажа. Его не будет, а она сядет. А ей в тюрьму нельзя. И ему пожить хочется. У него счастливая жизнь еще только начинается.

– Чего молчишь? – бывшая жена уставилась на него исподлобья. – Не устраивает, как я выгляжу?

И вот тут он решился на нее посмотреть. На нее – на всю. И не то чтобы ужаснулся, но поводов для сожалеющих вздохов было предостаточно.

На Анне были какие-то нелепые многослойные одежды. Сверху толстый банный халат, под ним – пижама. Широкие штанины волочились по полу. Под пижамной курткой – футболка с высоким горлом.

– Надела все, что было? – усмехнулся Гена криво. – Волосы немыты. Лицо серое. Пьешь, что ли, Смирнова?

Она принципиально не взяла его фамилию при регистрации их брака. Ее после расторжения и менять не пришлось.

– Я никогда не пила, Сидоров, ты это знаешь. Не пила ни в радости, ни в горе. А сейчас мне вообще никак. С какой стати мне пить?

– Выглядишь не очень, – он почесал затылок. – На звонки не отвечаешь. На работу не являешься вторую неделю.

– Только не вздумай свистеть, что ты разволновался, – нацелила она ему в грудь палец. – И начальство мое тебя прислать не могло. Оно в курсе причин моего отсутствия. Что-то случилось, Гена? У тебя какая-то neprухa? И срочно нужен мой совет?

Она угадала. Как всегда, угадала. И по его теперешнему молчанию угадала, что снова все о нем угадала.

– Я не подаю убогим. До свидания.

Анна попыталась закрыть дверь. Но он вовремя вставил ногу в ботинке между дверью и притолокой.

– Полицию вызвать не могу. Мы оные и есть. Что же мне с тобой сделать?

Аня переводила взгляд с его ботинка на подбородок, с подбородка снова на ботинок. Он понял, что она может ударить. Приемами рукопашного боя бывшая владела в совершенстве. В зале в спарринге он сто раз оказывался на лопатках.

– Аня, он снова убил, – поторопился Гена, чтобы не упасть уже в следующую минуту на бетонный пол лестничной площадки. – На этот раз в парке...

Она мгновение изучала его несчастную физиономию. Потом, вытянув руку, схватила за воротник трикотажной рубашки и втащила в квартиру. Уже с порога он почувствовал запах лекарства. Или спирта? Может, она все же пьет? Раньше за ней такого никто не замечал, но мало ли. Все меняется.

Он не пошел за ней в кухню, заглянул в гостиную и спальню. Кровать обнаружил заправленной. А вот на диване в гостиной валялись скомканное одеяло и подушка. Рядом стоит журнальный столик, на нем стакан с водой, гора таблеток, горчичники и комок из ваты и марли. Компресс. Она всегда его ставила, когда у нее болело горло. А оно у нее болело часто.

Почему-то, поняв, что она не соврала насчет алкоголя, он не испытал облегчения. Скорее легкую досаду. Не переживает? Не убивается по нему, оставившему ее так вероломно? Хотя...

Если разобраться, он не уходил от нее. Аня сама его выставила. Узнала про его роман на стороне и выставила. И даже без синяков и скандалов обошлось. Молча собрала его вещи, молча пнула его сумку, молча указала подбородком на дверь. И с тех пор, если разобраться, они сказали друг другу не более двух десятков слов. Это в личной жизни. По работе им приходилось общаться. Никто из них не хотел увольняться по причине развода.

– Сюда иди, Сидоров! – громко позвала его бывшая жена. – Я болею, идиот, не пью. Пахнет компрессом...

Сучка! Она даже сквозь стены видела его и угадывала!

Аня стояла у окна и курила в форточку электронную сигарету. Так она бросала курить! Смешно. По его мнению, что так дым, что так. Но кого и когда интересовало его мнение... в их браке!

Он вошел в кухню. Цепляясь взглядом за каждый предмет, осмотрел все. Пытался найти что-то новое, появившееся без него. Не было ничего нового. Хотя нет. Новым был полный порядок на кухне. Раньше здесь постоянно царил хаос. Грязи не было, нет. Посуда была вымыта всегда. Но ее почти никогда не убирали в сушку. Стопки чистых тарелок росли слева от раковины. Чистые чашки и стаканы стояли в ряд справа. Там же чистые контейнеры, в которых они брали на службу бутерброды. Ее с красными крышками. Его – с синими. Ничего этого сейчас не было: ни контейнеров, ни посуды. Обеденный стол пуст. А прежде на нем всегда стояла ее чашка с последними глотками чая или кофе. И он не смел ее убрать и вымыть. Ее последние глотки были неприкасаемыми.

Одним словом, много было самых разных правил, которые он втайне считал идиотскими. Но тут недавно поймал себя на том, что в новой своей жизни оставляет на столе чашку с недопитым кофе и просит ее не трогать...

– Говори. Быстро и по существу, – скомандовала Аня в привычной манере.

Вытащила из волос длинную заколку-шпакку, потрянула густыми волосами. Снова собрала их на макушке в тугий ком и проткнула его заколкой. Две пряди привычно выскользнули из прически и обрамили ее узкое лицо с высокими скулами. Черные глаза бывшей жены смотрели на него неприязненно, когда она скрещивала руки на груди и усаживалась на широкий низкий подоконник.

– В парке в выходной было обнаружено тело девушки, – начал он говорить, снова чувствуя себя как на экзамене и боясь сбиться и показаться бестолочью.

– В какой выходной? – спросила она холодно и строго.

– В смысле? – моргнул Сидоров непонимающе. – В минувший!

– В коромысле! В субботу или воскресенье?

– В воскресенье, – внес он уточнение. – В пять часов вечера. На плато над речкой. Такая там, знаешь, Грязновка.

– Знаю, – нетерпеливо повела она плечами. – Кто обнаружил? При каких обстоятельствах?

– Художник... – Он сразу заметил, что она напряглась. – Искал место для работы. Ему нужен был вечерний свет. Он колесил на велосипеде по дорожкам парка, искал. Потом поехал к горе. По пути наверх оставил велик в кустах, поднялся. Обрадовался, что место именно такое, какое ему нужно. Тут подул ветер, и на его губы налипло что-то. Он подумал, что это пыльца одуванчика...

– Одуванчики давно облетели, – тут же вздернулись ее брови.

– Он потом тоже сообразил. Но не сразу. Снова подул ветер и принес с собой запах тлена.

– Блин, Сидоров, ты сейчас в рифму заговоришь, точно, – фыркнула его бывшая жена. – Короче, он сунулся в кусты, а там тело. Мертвое, женское, молодое. Наголо бритое. Волосы измельчены в труху, лежат на лице. Все так?

– Все так.

– И что наш художник? – Анна прищурилась.

– Заблевал там все. Позвонил 112, спустился с горы, дождался нас. Правильно ответил на вопросы.

– Правильно, значит? – удивилась она.

– Было время подготовиться. Ехали сорок минут. Воскресенье, пробки.

– В воскресенье пробок меньше. И гуляющих в парке тоже. Кто-то видел его? Как он катался? Как ехал к горе?

– Мы сами увидели. На камерах. Весь маршрут его отследили. Ни разу никого не потревожил своим перемещением на велике. Заехал в парк, сразу на велодорожку свернул. Покатался.

– Долго?

– Час. Почти час.

– Ого! Долго. И весь час катался?

– Нет. Отдыхал. Воду покупал. Пил. Потом покупал еду. Присаживался за столик. – Гена пожал плечами. – Ничего в нем подозрительного, если ты это имеешь в виду.

– Не твое дело, что я имею в виду, – огрызнулась она беззлобно. – Как он выглядел? Как ел?

Пришлось рассказывать ей обо всем, даже цвет носков не пропустил. Особенно долго рассказывал, как он усаживался на деревянный стул в парковой кафешке. Как тщательно вытирал стол влажной салфеткой, которую, конечно же, принес с собой.

– И что, прямо свою тарелку достал? И вытряхнул на нее ножки из картонной коробки?

Ее черные глаза горели азартом, тем самым, которого он так боялся. Этот огонь и сожрал их брак. Потому что, когда вот так вот у Аньки горели глаза, она не спала, не ела, не заходила домой. Она работала как проклятая! Она не видела ничего и никого вокруг. Гоняла подчиненных – а он им тоже был – в хвост и гриву.

– Эстет, значит, – удовлетворенно улыбнулась она, когда он закончил рассказывать. – Ну, Валерий Павлович... Очень хочется с вами познакомиться. Очень хочется на вас взглянуть.

Гена мысленно пожалел несчастного художника, в силу обстоятельств оказавшегося не в том месте не в то время. Анька ведь вцепится мертвой хваткой, вопьется в его мозг, вывернет всю душу наизнанку. А бедный Валерий Павлович всего-то и хотел найти удачное место с хорошим светом для своей новой работы.

– Ты уверен? – обернулась она на него от плиты, где варила себе овсянку. – Или просто хочешь мне возражать по привычке?

– Нет. Не хочу возражать. Просто беседовал с этим художником, наводил о нем справки. Ничего такого подозрительного.

– То есть в его квартире...

– В доме. Он живет в коттедже, – с удовольствием поправил ее Гена.

– То есть вокруг его дома не разложены мертвые женские тела с обритыми черепами. И дома не обнаружено вещей убитых. И... Что? – Она умолкла и минуту его рассматривала. – Вы не сделали обыск в его доме?

– У нас нет оснований.

– Возможно. Но просто зайти к нему ты мог? Осмотреться. Глазами пошарить, как в моей квартире только что.

Сучка! Все замечает!

Аня выключила плиту, перелила жидкую овсянку в глубокую тарелку, поставила на стол перед ним.

– Что это? – вытаращился Гена возмущенно. – Я не буду эту дребедень!

– Будешь. Ты за время нашей беседы несколько раз дотрагивался до правого бока. Воспалился желчный? Да вижу. И белки глаз с желтизной. Любимая не в курсе твоей хронической болячки? И кормит тебя изысканно и сытно?

– Не твое дело.

Он болезненно поморщился. Он раскрыт. Можно было дальше не притворяться. Третий день ноет правый бок. И таблетки не помогают.

– Чего нахватался на этот раз? – Анька уселась напротив. Подтолкнула тарелку. – Жри кашу, Сидоров, немедленно. Или я по скорой тебя отправлю.

Он нехотя взял ложку. Зачерпнул каши. Съел ложку, потом – вторую и так опустошил всю тарелку.

– Ребрышки, – пробормотал он, стоя у раковины к Анне спиной, когда мыл тарелку. – Это были запеченные свиные ребрышки.

– Ты идиот, Сидоров? Тебе же нельзя эту гадость.

– Вкусно, – возразил он неуверенно.

– Вкусно, но гадость же. И тебе нельзя. Так загнешься, – монотонно отчитывала его бывшая жена. – Сейчас-то с каши все прошло?

Он выключил воду. Замер. Да, в правом боку затишье. Надолго ли? Любимая прислала сообщение, что готовит на ужин что-то особенное. Он был уверен, что это будет невероятно вкусно, но боялся представить, что с ним станет наутро.

– Я сейчас в душ. И мы с тобой поедим, – буркнула Анна от дверей кухни.

– Куда? – он отряхнул от воды руки, высушил полотенцем.

– К художнику, куда же еще.

– Анна! Ну зачем?! К нему-то зачем? – взорвался он раздражением, следуя за ней до дверей ванной.

– А ты разве забыл?

У двери ванной она неожиданно сбросила с себя халат, выскочила из пижамы и, оставшись в футболке с высоким горлом и трусах, закончила с гадкой улыбкой:

– Про профиль убийцы, который нам представили пять лет назад, забыл? Там четко говорилось, что убийца – эстет. И вполне может быть художником. Все. Жди в машине. Буду через пятнадцать минут.

Глава 3

Эта женщина его завораживала. Он понимал, что она явилась по его душу и мысли, что от ее присутствия рядом с ним у него могут возникнуть проблемы, но...

Он ничего не мог с собой поделать!

Она заполнила собою все его личное пространство, даже не утруждаясь особо. Просто вошла в его дом. Просто посмотрела. И пробормотала краткое:

– Здрассте...

Мужчина, приехавший с ней, был ему знаком. Кажется, Сидоров. Кажется, майор. И кажется, этих двоих что-то связывало. Может, какие-то порочные тайны. Или какая-то личная боль. Он почему-то сразу почувствовал наэлектризованность пространства между ними.

Майор Сидоров разложил на его столе какие-то бумаги. Принялся задавать вопросы. Смешные и пустые. В минувшее воскресенье он был более собран. Сейчас производил впечатление стажера. А она...

Она ходила по его огромной гостиной с пятиметровым потолком и все внимательно осматривала. Стало понятно, что визит именно этим был вызван. Ей надо было взглянуть на все изнутри. На его дом. На его картины. На мебель. Взглянуть и понять: а не он ли и есть убийца?

Он все понимал и прощал ее заранее. Потому что она пленила его с первой минуты. Как художника, как творца, как мужчину.

Сидоров что-то писал и писал в своих бумагах, хотя и вопросов больше не задавал.

– Что вы обо всем этом думаете? – неожиданно спросила она, останавливаясь перед огромной стеклянной стеной, выходящей во двор.

Он подошел к ней, встал рядом – справа. Проследил за ее взглядом. Там не было ничего для него нового. Две березы – молоденькие и хиленькие. Навес красного холста в виде гигантского зонта. Под ним круглый пластиковый стол и два пластиковых стула.

Он понял, что она не об этом. И сказал, что на самом деле думал:

– Мне кажется, это было послание.

– Какое послание? Кому? Если человечеству, зачем так глубоко прятать? Не факт, что тело нашли бы до полного разложения. Это вам повезло, – она резко повернула голову и вцепилась взглядом в его лицо. – Вы считаете, что вам повезло, как художнику, увидеть это?

Господи! Ну что за женщина! Как она смогла так быстро понять, что он чувствует!

– Да... То есть нет. Мне не повезло, – он страшно смутился, что она неверно все расценил. – Как человек, я пришел в ужас от увиденного. А как художник, не могу забыть белизны кожи. Почему она была такой белой? Смердело ужасно, а следов разложения не было. Как такое возможно?

Она стремительно переглянулась со своим спутником и промолчала.

– Вы бы написали такую картину? – снова вернула она свой взгляд, высверливающий ему мозг.

– Я? – Он подумал и отрицательно мотнул головой: – Я пейзажист. Я бы не стал. Не осмелился. Не люблю разложения.

– Его же не было, – прищурила она удивительные черные глаза. – Тело было молодым, белым, будто мраморным.

– Оно было мертвым. – Его взгляд ушел внутрь, сразу вспомнился весь ужас. – И оно воняло! Это... Это для меня, как для художника, отвратительно. Я не люблю тлена.

– Но вы искали на плато свет. Закат... Вас интересовал закат. Это ли не угасание?

Он с минуту не находил ответа. Просто стоял и смотрел на нее, как на очередное чудо света. Тут же перевел взгляд на Сидорова. Что могло произойти между ними? Почему он видит между ними столько темного света?

– Угасание не значит – тлен, – ответил он, медленно отходя от стеклянной стены в поисках нужного ракурса. – И закат не означает полного угасания. Это угасание перед очередным возрождением. Будет же восход. Но если без лирики, то мне, как творцу, ближе краски, рождаемые засыпающим солнцем.

Лишь на мгновение подобие улыбки тронуло ее тонкие губы. Это было почти незаметно. Но он понял, что его ответ засчитан.

– Может, кофе? – спохватился Валерий, поняв, что они сейчас уйдут.

– Нет, спасибо. – ответил майор Сидоров.

Он сноровисто складывал бумаги, разложенные на столе. Совал их в папку. Она молчала. Выгуливала себя вдоль стеклянной стены и о чем-то напряженно размышляла.

Высокая, стройная. Густые волосы цвета карамели скототы на макушке какой-то острой, тонкой штукой. Две пряди висят вдоль щек. Скулы высокие. Ни грамма косметики. Даже на губах никакого блеска. Но она казалась ему такой яркой, такой невероятно ухоженной и нетронутой. Даже в потрепанных джинсах и льняной рубашке выглядела светской дивой. И ему очень-очень не хотелось, чтобы она уходила сейчас. А предлога задержать ее не находилось.

– У меня замечательный кофе, – сделал он еще одну попытку, глядя на нее. – Вдруг я бы еще что-то вспомнил?

– А давайте ваш кофе, – и снова по ее тонким губам скользнуло нечто похожее на улыбку. – Только не надо ничего выдумывать. Это я насчет «вспомнить».

– Товарищ подполковник, – Сидоров хмуро смотрел на нее исподлобья. – Мне-то лично некогда. От слова совсем.

– А я, майор, от слова совсем тебя не держу.

Она даже не повернула головы в его сторону, все время смотрела на красный огромный зонт в его дворе.

– Ты же без машины, Аня.

Сидоров повысил голос? Сидоров повысил голос. И ее это удивило.

– Вызову такси, майор, не печалься.

– Я могу отвезти. У меня есть машина.

– И машина у него есть, и велосипед, – скрипнул неприятными интонациями ответ Сидорова.

Валера промолчал. Проводил майора до ворот, дал слово, что отвезет подполковника Смирнову туда, куда она прикажет. И неожиданно поинтересовался:

– Вас с ней что-то нехорошее связывает, товарищ майор? Какая-то скверная история?

– Это так очевидно? – неожиданно развеселился Сидоров.

– Воздух вокруг вас наэлектризован. И да, это бросается в глаза.

– Наша скверная история называется неудавшимся браком, гражданин Осетров. Несколько лет длилась наша скверная история, прежде чем логически завершилась.

– Как именно?

Ну ему и правда было интересно!

– Разводом...

Потом он долго готовил кофе. Дольше обычного. Даже достал старую жаровню с песком и турку – подарок друга. И колдовал над ней, без конца ей о чем-то рассказывая. После ее ухода даже не смог вспомнить, о чем говорил, над чем они смеялись. Но смеялись!

Кофе пить вышли на улицу, под красный зонт. Она села лицом к солнцу и долго щурилась на свет, сочившийся сквозь красную ткань.

– Кажется, я поняла, что именно вы искали, – проговорила Анна, медленно глотая острый, крепкий кофе, приготовленный им по особому рецепту. – И да, это очень красиво. Неуловимо красиво.

Он слушал и не верил: неужели в его жизни появилась она – та самая женщина, которая видит и слышит, как он? С которой можно быть немногословным: она все поймет. С которой нет нужды притворяться.

– Анна... – начал он подрагивающим от волнения голосом. – Могу я вас называть по имени, без отчества и звания?

– Легко, – рассмеялась она беспечно.

– Анна... Простите мне мою смелость, но мне очень бы хотелось продолжить знакомство с вами.

– Что вы имеете в виду? – она закрылась от него бесстрастным выражением лица. – Отношения?

– Д-да... Если вы не готовы, я пойму. Мы могли бы просто время от времени ходить куда-нибудь вместе.

– Куда? – прозвучал вопрос безо всякого интереса.

– В театр, на выставки, в ресторан. Я... Я понимаю, что вы очень занятой человек, поэтому готов ждать момента.

– Уф-фф... – выдохнула она с силой, вытягивая ноги и роняя руки с подлокотников пластикового стула. – Вы не представляете себе, Валерий, сколько вам придется ждать того самого момента! Меня могут сорвать посреди ужина в ресторане, посреди премьеры в театре. Могут выдернуть прямо в то время, когда вы станете мне рассказывать о каком-нибудь произведении искусства на выставке. Сидоров вам уже сказал, что мы были женаты?

– Да. Пять лет длился ваш брак.

– Да. Пять лет. Мы коллеги, и все равно наш брак не выдержал такого накала. А вы – человек искусства. В вашей жизни все размеренно, продумано до мелочей, дозировано, включая солнечный свет. Ваша стеклянная стена... Она повернута так, что солнце в комнату заглядывает весь день. Так?

– Так.

– Сколько времени вы работали над проектом дома? Вы же сами его разрабатывали?

– Да, сам. И работал я над ним три года.

– Вот! Три года! Три года на то, чтобы просто поймать свет. А я... У меня и в окно-то выглянуть не всегда есть время. Прагматик до мозга костей. Циничная ищейка. А вы... Вы придумали что-то себе.

– Я не придумал. Я влюбился. С первого взгляда.

У него тут же застучало в висках, а лицо пошло красными пятнами. Он знал, что дело обстоит именно так, он чувствовал прилив крови к голове. И понимал, что ее изумленный взгляд мог быть вызван именно его физическим недугом. У него случались внезапные скачки давления. Особенно когда он сильно волновался.

– Простите.

Валерий провел ладонью по мокрому лбу. Вытер ее о домашние вельветовые брюки. В висках стучало, во рту сделалось сухо.

– Очень смелое заявление, – проговорила она задумчиво и прищурилась. – Задам банальный вопрос: вы всем женщинам говорите подобные слова при первом знакомстве?

– Нет. До вас была Лидочка.

– Кто она?

– Моя девушка. Мы долго были вместе, а потом она... уехала.

От нее не укрылось его замешательство. Подозрительность, сочившаяся из ее глаз, затопила все вокруг.

– Куда уехала? Сколько вы были вместе? Как ее фамилия? Почему расстались?

Очарование разбилось вдребезги. Свет померк. Перед ним сидела не женщина его мечты, а подполковник полиции. И она его допрашивала!

– Лидочка Паршина. Она была моей студенткой.

– Вы преподаете?

– Нет. После того как мы расстались, я ушел из колледжа искусств. Вместе мы были десять лет.

– Она жила здесь? – Анна поводила взглядом по стенам дома, по его саду с чахлыми березами.

– Нет. Она жила в квартире, которую я ей снимал. Там же мы и встречались. Адрес? Вам понадобится адрес?

Анна коротко кивнула, он продиктовал. Она записала адрес в телефон.

– Почему расстались? Когда?

– Год назад. Все как-то внезапно поменялось. Она стала скрытной, раздраженной, перестала отвечать на звонки. Я даже сделал ей предложение. Думал, что она устала ждать. Купил кольцо. Позвонил ей. Сказал, что приеду с важным сюрпризом. Приехал, а ее нет. И чемодана нет. И вещей в шкафу. Она просто укатила на отдых с друзьями.

– Вы искали ее?

– Разумеется! – Валерий глянул на нее с упреком. – Разве я мог ее не искать? Мы десять лет были вместе. Но потом я узнал, что с ней все в порядке. И она прекрасно отдыхает. Просто не хотела меня видеть и просила не говорить, где именно она проводит время. А после возвращения с отдыха весь этот год живет в той же самой квартире. А меня избегает. А я перестал навязываться. Да и возможности меня лишили. Лидочка превратилась в какую-то невидимку. Я не мог ее выловить.

– Мы с Сидоровым были вместе пять лет. Но он вряд ли бы кинулся меня искать, если бы я исчезла с чемоданом, – ее тонкие губы отыграли скепсис. – Ее друзья, подруги, родственники?

– У нее не было родственников. Она из детского дома. А подруги и друзья пожимали плечами. И хихикали мне вслед. Слухи просочились в колледж. Начался самый настоящий стейб. И я ушел.

Он потер виски, лоб. Дотронулся пальцами до щек. Понял, что краснота с лица схлынула. Он выглядит теперь обычно. И может не смущаться так сильно.

– Как она выглядит? У вас есть ее фотография?

Валерий взял с пластикового стола телефон, вошел в галерею. Листать пришлось долго. Год прошел. На смену Лидочке пришли пейзажи, натюрморты, фото красивых домашних животных. Наконец ее лицо всплыло в телефонном окошке. Он увеличил его, протянул телефон Анне.

– Это она...

Анна смотрела на фото мгновение. Потом тут же позвонила кому-то. Ага, Сидорову, оказывается!

– Ты далеко уехал? – она выслушала ответ и приказала. – Возвращайся.

Его раздраженный монолог был слышен даже Валерию.

– Заткнись и слушай, – прервала его Анна на каком-то моменте. – Девушка, найденная в парке на плато, – это Паршина Лидия. Откуда знаю? А она десять лет была подругой нашего художника. Почему не узнал?

Она отодвинула руку с телефоном в сторону, глянула на Валерию холодно и равнодушно и спросила:

– Почему в убитой вы не опознали вашу бывшую девушку, Осетров?

– Что?! Это... Это была Лидочка?! – его колени подпрыгнули и затряслись. – Но этого не может быть! Это тело... Оно не ее! Оно чужое! Полное. Лидочка была худой до изнеможения!

– Пусть так, – прервала его Анна и спросила Сидорова, внимательно слушающего их разговор. – Слышал?

И снова уставилась на Валерия.

– Пусть так... Она могла поправиться за год. Но лицо-то ее вы не могли не помнить. Лицо, гражданин Осетров?

– Я не видел ее лица.

Он наблюдал безумные скачки собственных коленей, пытаясь вспомнить лицо мертвой девушки. Мотнул головой, вспомнив. И повторил:

– Я не видел ее лица. Оно было засыпано чем-то похожим на пыльцу одуванчиков.

– Волосы... Это были измельченные в труху ее волосы, Осетров. Собирайтесь. Вам необходимо проехать с нами.

Глава 4

Она была уверена, что не доживет до своего двадцать пятого дня рождения. Вот прямо с пятнадцати лет ждала скорого конца. С тех самых пор, как обидела на отдыхе старую цыганку и выслушала от нее страшное проклятие, так и ожидала. И обидела-то она ее несерьезно. Просто посмеялась над ее методами предсказывать судьбу. Ну какое это, в самом деле, предсказание – гадание на кофейной гуще? Да мало ли как та сползет по стенкам чашки! Бред это! Так она и сказала, наклонившись к плечу подруги, что сидела за столиком открытого кафе напротив старой цыганки.

– Настя, не будь душой, – произнесла она, тихо рассмеявшись. – Где ты видишь павлина в перьях, а? Это просто грязные кляксы. От кофе!

Но Настя слушала, открыв рот, предсказание о загадочном человеке, который встретится ей, когда она повзрослеет. И он окажется не тем, за кого себя выдает.

– Лучше или хуже? – судорожно сглатывала Настя слюну.

– Не вижу, – озабоченно морщила лоб старая женщина и без конца ворошила густые черные кудри, побитые сединой.

Аллочка тогда еще подумала, что у цыганки могут быть вши. Женщина выглядела неопрятной. Три слоя ярких юбок, пыльных по подолу. Тесная кофточка с пятнами на груди и в подмышках. Нечесанные волосы, сальное лицо. Как, скажите, можно было верить ей? А Настя верила!

– Человек этот будет мудрым и хитрым, – бубнила цыганка, всматриваясь в размытые кофейные потеки. – Но счастья тебе от него не будет. Плохо будет. Берегись. Избегай, девочка.

– Кого? Кого избегать? Как он будет выглядеть? Это мужчина или парень?

– А кто сказал, что это не женщина? – черные глаза цыганки исчезли в морщинах после того, как она прищурилась. – Берегись. Жизнь нелегкая тебя ждет.

– Бред! – фыркнула тогда Алла и потащила Настю за плечо. – Идем отсюда.

– Нелегкая жизнь тебя ждет, – пробормотала снова цыганка Насте, неожиданно перевела взгляд на Аллу и глянула широко распахнутыми глазами. – А тебя – короткая. До четверти века не доживешь!

Тяжело поднявшись, цыганка грузно зашагала от столика. Но вдруг остановилась и снова впилась в Аллу черными глазищами. И, погрозив пальцем с грязным ногтем, повторила:

– Мало проживешь...

С тех самых пор она все время ждала, что внезапно умрет. И остерегалась как могла. Не ездила на байках с парнями, как другие девочки-сокурсницы. Не ходила в горы, забросив курсы по скалолазанию. Даже студенческие вечеринки пропускала. А на Настины вопросы отвечала неопределенно:

– Мало ли, что может там случиться!

Настя про цыганку тоже помнила, но в отличие от Аллы легонько над этим предсказанием посмеивалась и жила в полную силу. Не боялась, заводила отношения. Расставалась. Снова влюблялась. Имела много подруг и друзей разного возраста. Не боялась их мудрости и хитрости, не видела в них опасности.

– Аллочка, ты свихнулась окончательно, – поставила диагноз Настя, отчаявшись вытащить подругу на шашлыки на дачу по поводу какого-то праздника. – Ты же не верила в ее гадания. Называла бредом. И вдруг! Она мне, помнишь, чего наговорила? Я и то не боюсь.

– Тебе она наговорила жизнь, Настя, – недовольно возразила Аллочка. – Трудную, опасную, но жизнь. А мне предсказала, что я не доживу до своего двадцатипятилетия.

Она смаргивала слезы, понимая прекрасно, что ее сумасшествие затянулось. Но ничего не могла с этим поделать.

– Тебе точно надо к психиатру, – крутила пальчиком у виска ее подруга. – Или найди себе телохранителя. Пусть он тебя охраняет день и ночь.

– Какого телохранителя? – хмурилась Алла.

– Парня, ухажера, любовника. Как еще объяснить?

Она тут же подумала, что этот парень и может быть той самой опасностью, которая приведет ее к гибели. Но промолчала. И продолжила тихо и осторожно доживать свой короткий век.

Двадцатипятилетие она не отмечала. Закрылась дома одна. Вырубила телефон, не включила телевизор, не накрыла стол. Сидела с книгой в любимом кресле. И читала. А потом улеглась спать, едва время перевалило за полночь. И проснулась счастливой.

Все! Время X миновало. Она может вздохнуть полной грудью. Она должна двигаться дальше. Опасность ей больше не грозит.

Но неожиданно жить так, как ей хотелось бы, оказалось сложно. Подруг она растеряла. Парни выбирали тех, кто помоложе. И отказав себе во многих мирских радостях, она вдруг поняла, что невозможно подурнела. И лишний вес набрала, и он никак не желал поддаваться изнурительным тренировкам.

В этой борьбе за возвращение к счастливой жизни прошло еще четыре года. И вот тогда-то она и встретила его: мужчину своей мечты. Защитника! Надежного, как скала. Уютного, как теплый плед. И пускай он был женат. Это неважно. У них с женой все было очень плохо. Все катилось в пропасть. Она никого не уводила, если что. Семью не разбивала. Ее уже не было.

Алла столкнулась с ним случайно. Сразу ему поверила. Они начали встречаться. Тайно, осторожно. Она никогда не провоцировала ситуацию: не звонила, когда он бывал дома, не писала сообщений, что скучает. Покорно ждала, когда он сможет к ней приехать. Готовила вкусную еду. Убирала квартиру до такой чистоты, что пол сверкал, как зеркало. И Гена это ценил. Очень! Хвалил ее еду. С удовольствием ходил босиком по полу. И еще шутил, что даже странно, что к пяткам ничего не прилипает.

Их осторожности оказалось недостаточно для того, чтобы его жена не узнала.

– Понимаешь, она нас вычислила. Она хороший сыщик. Это ее профессия.

Так Гена оправдывался после серьезного допроса, который ей устроила его жена. Оправдывался и пытался утешить. А она плакала и считала себя последней дрянью, хотя его жена Анна ничего такого в ее адрес и не говорила. Просто смотрела. И смотрела так, что...

– Мне хотелось провалиться сквозь землю, Гена! – всхлипывала Аллочка на его плече.

– Не плачь. Все будет хорошо, – неуверенно проговаривал Гена время от времени.

У кого все будет хорошо, он не уточнял. Но спустя время он с женой развелся и переехал жить к Аллочке. Мама тут же прилетела из далекого Новосибирска проверить, не альфонс ли? Не претендует ли на жилплощадь, купленную дочери в складчину с ее давно сбежавшим и неожиданно объявившимся отцом.

Претендент на руку и сердце дочери маме понравился. Она улетела обратно через пару дней со спокойной душой. А они с Геной зажили мирно и счастливо. Он часто уезжал по делам уже после работы. Она не роптала и терпеливо ждала. А когда он возвращался – уставший, злой, молчаливый, раздраженный, пьяный, – Аллочка ему была рада. Любому Гене была рада, потому что любила его.

Настя, познакомившись с ним на дне рождения Аллы, неуверенно повела плечами и проговорила:

– Ну не знаю. Я бы не смогла.

– Что именно?

Они как раз были на кухне. Настя курила в форточку. Алла стерегла пирог в духовке. Гена о чем-то разговаривал с парнем Насти. С очередным парнем Насти.

– Я бы постоянно ощущала ее присутствие.

Аллочка не была дурочкой. Она поняла, кого имеет в виду подруга. И беспечно рассмеялась.

– Мне двадцать девять лет, Настя.

– И что? – потрясла головой Настя, стряхнув пепел за форточку.

– А ей сорок! Целых сорок лет!

– А ты ее видела? – нехорошо прищурилась подруга.

– Видела, и что?

– И я видела, – удовлетворенно улыбнулась она. – И то, что я видела... В общем. Прости меня, конечно, но ни ты, ни я ей не конкурентки. Она... Она дива!

– Обычная она, – наморщила лоб Аллочка и полезла в духовку за пирогом. – Я с ней встречалась. От таких мужчины очень быстро устают. Она обычная, измотанная буднями тетка.

– Нет, подруга, ты не права. – Настя зябко передернулась и захлопнула форточку. – Она не обычная. Она необыкновенная!

После этой памятной вечеринки Алла стала Настю избегать. И в бассейн ходить начала одна, поменяв расписание. И на йогу. А бегать стала дома, выпросив у Гены модную беговую дорожку.

Она сильно похудела. Косметические процедуры пошли ее лицу на пользу. Кожа засветилась. Светло-русые волосы она высветлила до льняной белизны и каждое утро выпрямляла утюжком. И вполне была довольна, осматривая себя в зеркале. Но...

Но слова подруги нет-нет да всплывали в памяти.

Дива! Дива? Что дивного в женщине с уставшим потухшим взглядом, с размашистой походкой и резким командным голосом? Какого мужчину может пленить особа, роющаяся в мыслях и угадывающая их с ходу?

Аллочка поначалу недоумевала над Настинной оценкой. Но через два-три месяца совместного проживания с Геной неожиданно обнаружила, что он не удалил из телефона фотографии Анны.

– Почему? Зачем? – изумленно моргала она, листая ее фото.

На них бывшая жена Гены в самом деле выглядела превосходно.

– Почему ты их не удалил, Гена?

– В чем смысл? – лениво глянул он на нее тогда.

– Ну, как говорится: с глаз долой – из сердца вон! – Этот довод показался ей таким правильным, что она даже на мгновение собою загордилась.

– С каких глаз, Аллочка, если мы с ней вместе работаем? – хихикнул ее любимый.

И вот тут до нее наконец дошло. И она осознала всю степень рисков. И побежала к Насте плакаться.

– А я тебе говорила...

– Тень бывшей жены, особенно такой красавицы...

– Они с утра до ночи рядом...

– Зря ты все это затеяла с Геной своим...

– Таких женщин, как его бывшая, не забывают...

Это приблизительный перечень того, что Алла выслушала в качестве утешения. И последним гвоздем Настя вбила ей в темечко мысль, что Гена не перестает любить свою Анну.

– С чего ты взяла?

– Ну... Ты сама говорила, что она его выгнала, не он сам ушел. Так?

– Будто бы.

– Вот... Сам бы, может, и не ушел. Покувыркался с тобой, покувыркался, да и остался с ней жить. Напряжение сбросил и...

Она сто раз пожалела, что побежала к Насте. Та не утешила, только разожгла то самое чувство, которое Аллочка от себя тщательно гнала.

Ревность! Ревность к бывшей жене! Она куда паскуднее, чем ревность жены к любовнице, Аллочка была в этом уверена. У бывшей жены Гены было их общее на двоих прошлое. А будет ли у Гены и Аллочки их общее будущее, еще неизвестно. И именно по этой причине она считала, что Анна находится в великом преимуществе.

Опасаясь выдать себя каким-то чрезвычайным интересом, она не стала Гену ни о чем расспрашивать. К примеру: что любила Анна, что ему особенно нравилось? Глупо? Глупо! Она выяснит сама. А как? Она за ней понаблюдает. Бывают же выходные дни у таких загруженных подполковников полиции, как Анна. И что-то в эти выходные она делает. Видимо, как раз то, что особенно любит. Аллочке необходимо это выяснить. Составить список. А затем этот список отфильтровать с учетом предпочтений Гены.

– Это извращение, подруга. – выкатила на нее глаза Настя, которую Алла попросила на первых порах помочь. – И как ты узнаешь, когда у нее выходной?

О, вот с этим вообще проблем не возникло. Она так виртуозно выводывала это у Гены, что он ни разу не заподозрил подвоха. Случались, конечно, некоторые неудобства, потому что график выходных у Анны был скользким. Один выходной в воскресенье – это железно. И один, когда вздумается. И Аллочке пришлось даже выпросить себе удаленку на работе, ссылаясь на здоровье. Руководство пошло ей навстречу, она стала работать из дома. И строго раз в неделю каталась за Анной по городу. Иногда на своей машине, иногда вместе с Настей, иногда на такси. Она понимала, что Анна опытный сыщик, она вычислит ее на щелчок пальцев, если Алла не станет менять транспортные средства. И она, как могла, старалась замечать следы...

Глава 5

Все шло замечательно. Список предпочтений бывшей жены Гены раз от раза пополнялся. Любимое кафе, скамейка на набережной, парковая аллея, пирожные и определенный вид кофе. А еще маленькие магазинчики, где Анна покупала себе не очень дорогую, но красивую одежду. Как выяснилось, ей ее привозили на заказ. Алла рискнула и себе заказала кое-что. Но вещи не подошли. Ожидание оказалось выше реальности. А вот Анна покупала все, что ей привозили.

– У нее чувство меры, вкуса. И фигура – высший пилотаж, – гадила Аллочке в душу любимая подруга Настя. – И выбирать умеет...

Аллочка отмахнулась и подарила вещи Насте. Той все подошло. Во второй раз она сделала более удачный заказ, опираясь на вкусовые предпочтения Анны. И даже Гене понравилось. А когда она его потащила гулять по той самой аллее, по которой гуляла днем раньше Анна, он показался Аллочке обескураженно-счастливым. И засыпая, пробормотал:

– Сегодня был великолепный день, милая. Спасибо. И твой кардиган просто бомба!

Она все делает правильно. Она большая молодец. Завтра она утрет Насте нос.

Но подруга, выслушав ее, лишь ухмыльнулась: недобро, с сомнением.

– Все это плохо кончится, дорогая, – предрекла она и посоветовала. – Завязывай.

– С чего вдруг? Я только вошла во вкус и...

– Помнишь прошлый наш совместный выезд? – Настя потащила ее с порога прихожей в кухню. – Идем, кофе налью.

Прошлый совместный выезд прошел сумбурно и как-то неправильно. Насте вдруг показалось, что за ними тоже кто-то следит. Они следят за Анной, а за ними – кто-то еще. Она разнервничалась и на ближайшем светофоре упустила машину Анны из виду. И потом они ее уже не нашли, хотя и катались по ее любимым местам. И Алла всерьез заподозрила ее в саботаже.

– Помню прошлый наш совместный выезд. И что? – улыбалась Аллочка, потягивая дрянной Настин кофе.

Что характерно, кофе Настя покупала всегда сортовой и дорогой, но ухитрялась испортить его, готовя исключительно в специальной посуде. Где она отрыла такую уродливую кастрюльку, Алла не предполагала. Но три сопла со свистками превращали напиток в совершенную бурду. Но как скажешь!

– А то, что я полистала тут фотки с регистратора. Обнаружила машину, которая мне не понравилась. Поняла, что она действительно ехала одним с нами маршрутом. Но не за нами.

– А за кем?

– За ней – за Анной.

– Да ладно! Зачем? Это... Это был преступник? – затылку сделалось прохладно. – Из тех, кого она посадила и кто успел выйти?

– Скорее поклонник. Машина принадлежит какому-то художнику. Осетрову, кажется.

– Не слышала. А как ты узнала, кому принадлежит машина? – Алла ревниво прищурилась. – К Генке за помощью обращалась?

– У меня таких Генок пруд пруди. Есть кого попросить, – отмахнулась Настя без обиды. – Машина точно художника. Но вот почему за рулем была девушка?

– Ну мало ли. Дал покататься. Подарил и все такое.

– Меня не это заботит, Алла! – прикрикнула подруга и отобрала кофейную чашку, проворчав. – Вижу, давишься. Что за гадость я каждый раз варю!

– Так что тебя заботит? – Алла с облегчением выдохнула, потянулась к стакану с водой, отпила половину.

– Если бы за ней катался художник, тут понятно: понравилась, решил использовать красивую даму в качестве модели. А с какой стати за ней каталась девка? Зачем?

– Ой, тебе голову забить нечем, да?

– Есть. Есть чем забить, дорогая. Но этот вопрос у меня сейчас на повестке дня. С самого утра. С выпуска новостей, если быть точной.

– И что в новостях? – беззаботно смотрела на подругу Аллочка поверх стакана.

– В новостях эту девку нашли убитой. В лесопарке. И нашел тот самый художник, чья машина. Сечешь, куда я клоню?

– Не совсем, – поежилась она, поставила стакан на стол. – Она каталась на машине художника за Анной. Потом ее мертвой нашел художник – хозяин машины.

– Не мертвой, убитой! – внесла существенное уточнение Настя и распахнула форточку на кухне, намереваясь закурить. – Она следила, ее убили. Кто? Почему? При чем тут машина художника? И как он смог ее найти? Искал место для работы, а нашел свою девушку. Странно...

– Про место для работы тоже из новостей? – прошептала Аллочка, внезапно осознав, что стремительно куда-то скатывается, в какую-то черную пропасть.

– Да. Был один репортаж. Только там было сказано как-то непонятно... – Настя щелкнула зажигалкой, затянулась. – Будто художник девушку убитую не знает. А как такое возможно, если она ездила на его машине? И за кем? За подполковником полиции! И что теперь нам делать, Аллусик?

– Что? – Ее шея все глубже уходила в плечи.

– Я тут подумала и решила, что ничего! Мы с тобой ничего не сможем сделать. В том смысле, что не сможем быть свидетелями.

– Почему?

– Тебе так хочется, чтобы твой любимый Геночка узнал о нашей слежке? – задохнулась дымом Настя и, понаблюдав, как подруга интенсивно машет головой, закончила. – Вот видишь, и тебе не хочется. А мне – тем более. Ты ночью пощаду вымолишь. А я что? Я попаду в его черный список. И я приняла решение, дорогая. За нас обеих решение приняла...

Дым стелился по кухне туманом. Настя дымила как паровоз. Это всегда случалось в минуты ее сильнейшего душевного волнения.

– Мы молчим, – выдала она, отправляя затушенный о раму окурков на улицу. – Ничего не видели, нигде не были. Поняла?

– Да.

Всплеск облегчения от принятого за нее другим человеком единственно разумного решения затопил весь совестливый душевный шепот.

– А мы не обязаны, так ведь? – не моргая смотрела она на подругу. – Мало ли кто за ней ездил? Может, это разработка такая, и это намеренно было сделано. Ею же! Она ведь такая... Такая коварная!

– Она профессионал, – поправила ее Настя с кривой ухмылкой. – И ревность – это пережиток, милая. И тебе давно пора успокоиться. Гену она выпроводила. Назад никогда не примет.

– Много ты знаешь! – вырвалось у нее тайное, мрачное.

– Такие женщины, как Анна Смирнова, не прощают предательства. А Гена твой ее предал.

– Нет. Он от нее просто устал, – тут же попыталась защитить любимого Алла.

– А потом от тебя устанет. И потом еще от кого-то. Это такая категория мужиков, малыш. Их мотает по жизни, как дерьмо по проруби...

– Прекрати! – прикрикнула на нее Алла, дико обидевшись и за Гену, и за себя заодно.

С какой стати ему от нее уставать? У них все идет отлично. Они полгода живут вместе и еще ни разу не повздорили. И она постепенно привыкает к его чудачествам и не ропщет.

Хотя одно из них ей кажется особенно странным. Это когда Гена не позволяет убирать со стола чашку с его недопитым чаем или кофе.

– Пусть стоит. Допью, – строго смотрит он всякий раз, вставая из-за стола.

Она кивает, оставляет чашку, но не понимает зачем. Гена еще ни разу не допил остатки. Заглядывал в чашку, недовольно морщился и выплескивал все в раковину. Чудит? Да на здоровье! Ее это не раздражает.

Настя утащила ее из кухни в комнату. Вывалила на диван кучу барахла и принялась хвастаться, что через пару недель улетает с парнем на отдых.

– Что за парень? – равнодушным голосом поинтересовалась Аллочка. – Достойный?

Настя покивала, разбрасывая платя по спинке дивана. Она выглядела такой веселой, такой беспечной, что Аллу это даже задело.

– Хорошо как, – проговорила она со странным чувством легкой зависти и тайной неприязни. – Ты сматываешься. А я остаюсь с проблемами.

– Какими? – наморщила Настя лоб, не поняв.

– Слежка за Анной и все такое.

– Замечу, не я это предложила! – Настя вскипела мгновенно. – Ты помешалась на ревности. Принялась следить. Меня втянула. А когда запахло жареным, хочешь за чьей-то спиной укрыться? Ни фига не выйдет, дорогая. Расхлебывай сама. Я умываю руки.

– И сматываешься, – закончила Алла.

– Да, и сматываюсь. И вообще... – Настя выразительно глянула на настенные часы. – Мне сейчас надо будет отъехать по делам. Так что...

Она ее выставила. Даже не извинилась! Хотя, подумав, Алла все же признала, что подруге извиняться не за что. Она вольная птица. Захотела – с Мишей поехала за город. Захотела – с Петей на Канары полетела. А вот она должна сидеть и ждать Гену с работы. Ее слежка за Анной, вылившаяся в настоящее приключение, кажется, закончилась.

Неделю она грустила, слоняясь вечерами без дела по квартире. Гена все чаще задерживался. Объяснял это убийством девушки, чье тело было обнаружено в парке художником. Алла слушала его вечерами за ужином и ловила себя на желании помочь любимому. Рассказать ему все о слежке. О том, что они эту девушку видели. В машине того самого художника, что ее нашел мертвой. И девушка эта с какой-то блажи ездила за Анной Смирновой. Следила за ней!

Но Алла каждый раз вовремя прикусывала язык. И не потому, что боялась гнева Гены. А потому, что не хотела выставить себя на посмешище. Гена станет задавать вопросы: зачем ей это было надо, что за ерунда пришла ей в голову, чего она хотела этим добиться... А ответов-то у нее нет. Она промолчит, а он задумается. Примется их сравнивать и тогда...

Она не рассказала ему ничего. И когда через пять дней ей из аэропорта позвонила Настя, неожиданно расплакалась.

– Эх, Аллочка! Ну что у тебя опять за беда? – с легким раздражением поинтересовалась подруга, старательно перекрикивая шум аэропорта.

– Я и помочь ему хочу. И не могу. А вдруг от того, что я промолчу, кому-то будет плохо? – всхлипывала она в трубку.

– Тут я не уверена, – перебила ее подруга нетерпеливо. – Но вот то, что тебе хорошо не будет после твоих признаний, – это сто процентов. Бесплатный совет желаешь?

– Валяй.

– Хочешь и дальше продолжать жить в мире и согласии со своим Геной, молчи...

Настя улетела, Алла промолчала. А через пару дней на Анну было совершено покушение.

Глава 6

Она сидела на кушетке доктора с перебинтованной головой. Длинные волосы спадали из-под повязки на плечи спутанными окровавленными прядями. И от этого ему было особенно скверно. Он впервые видел ее такой беспомощной. Впервые осознал, что может потерять ее раз и навсегда по-настоящему.

Конечно, против этого можно было бы возразить: он уже потерял ее. Да, спорить глупо – они не вместе. Но он потерял ее как жену, как любовницу. И, кажется, они оба испытали от этого только облегчение. Но вот потерять ее вовсе, то есть из виду, как друга, как коллегу, он был не готов.

Ему важно было каждый день ее видеть. Ну или почти каждый день. Слышать ее язвительные замечания на свой счет. Стараться избегать нравоучений, но прислушиваться к советам.

Да он просто хотел ее видеть всегда! В кабинете на ее привычном месте: слева от входа – у окна. На парковке у машины. На месте преступления, когда она все осматривает странным взглядом, словно устремленным куда-то внутрь себя.

– Вам несказанно повезло, Анна Сергеевна. – серьезно глянул на нее доктор поверх бело-снежной марлевой маски. – Если бы вы не споткнулись, головы бы вам не сносить.

– Мне повезло, потому что я заметила нападавшего, – очень слабым, шелестящим голосом ответила Аня. – Сгруппировалась и смогла дать отпор.

– Как он выглядел? – спросил Гена.

Он держал в руке ее окровавленную белую джинсовку. Анька ее очень любила. Пристраивала на себе с любыми штанами и юбками, платьями и сарафанами. Все изумительно сочеталось. Теперь, наверное, ее придется выбросить. На белой плотной ткани пятна крови проступали уродливым узором. Вряд ли их теперь удастся отстирать.

– Я не рассмотрела, как он выглядел, – глянула она на него зло, словно угадала, о чем он сейчас думает.

– Ты же сама только что сказала... – попытался он негромко возмутиться.

– Я сказала: заметила, а не рассмотрела. Улавливаешь разницу, Сидоров? Помогите мне... – приказала она после того, как отчитала его при докторе и медсестре, только что закончившей перевязку.

Он разницу уловил. Подошел, взял ее под руку, поднял и, поставив рядом с собой, слегка притянул ее к себе за талию.

– Не увлекайся, Сидоров, – прошипела Аня.

Но сил бороться с ним у нее точно не было. И она так и пошла с ним бок о бок до самого выхода из больницы, а затем и до машины.

– Голова кружится, – прошептала она, усаживаясь в его машину. – Хорошо приложил меня, сволочь!

– Так... Значит, это все же был мужик? Ты это поняла или рассмотрела?

– Мужик. Рассмотрела. – Аня прикрыла глаза, облизнула пересохшие губы. – Нет воды?

Вода в его машине была всегда. Раньше нет, теперь да. Заслуга Аллы. А еще у него в машине теперь имелась постоянно обновляющаяся аптечка. И аппарат для измерения давления. И огнетушитель с неистекшим сроком использования. Тоже Алла за этим следила. И он, как ни странно, был ей за это благодарен. Нет, он умом понимал, что все это иметь необходимо, но никогда не успевал поменять, дополнить, проследить. Руки не доходили.

Анна выпила воды – половину маленькой бутылки, подышала тяжело и часто. Поморщилась. Потом, не открывая глаз, произнесла:

– Это совершенно точно был мужик, Гена. Не очень высокий.

– Как ты это определила со спины?

– Я видела его колени. Они были ниже моих, – пояснила она, поморщившись.

– А если у него короткие ноги, а? А туловище...

– Не мели вздор. Его дыхание пришлось мне не на шею, а ниже. И угол нанесения удара.

Он точно ниже меня...

– Получается: нападавшим был мужчина, рост примерно метр семьдесят пять. Размер обуви? Примерный.

– Стопа небольшая. Аккуратные летние туфли, вычищенные до блеска. Черные. Обычные. Самые обычные. Брючины до шнурков. Не укорочены. И запах...

– Что? От него воняло?

Он наблюдал, как она пьет, роняя капли на подбородок. И не вытирает их потом. Этим всегда раньше занимался он. Аккуратно, едва касаясь указательным пальцем, смахивал капли воды с ее подбородка.

– Нет. Как раз нет. От него хорошо пахло. Очень дорогой запах.

От художника, с которым у Анны, кажется, завязался роман, тоже восхитительно пахло. Гена даже поинтересовался, что за парфюм у него. Но Валерий Павлович предпочел отмолчаться.

Конечно, это не он напал на Анну. Он выше Анны. И размер обуви у него не кукольный. Но...

Но ему сейчас так хотелось бы замарать художника подозрениями. Жаль, что не вышло.

– Эстет... Напавший на меня человек аккуратный... Поехали, – скомандовала она, плотно закрывая глаза.

И только он хотел поинтересоваться, куда ее везти, как она сказала:

– Домой...

Подняться она ему не позволила. Пробубнила что-то про взрослую девочку и добавила про охранника, который у нее уже есть.

Стало ясно, что имеется в виду художник.

– Ты ему так доверяешь? – поинтересовался он перед тем, как уйти от подъезда, в который еще полгода назад они входили всегда вместе.

– Я никому не доверяю в принципе. Но ему доверяю чуть больше, чем тебе.

Анна холодно улыбнулась и скрылась за тяжелой железной дверью подъезда. А он поехал домой, где его ждала Алла.

Ждала, уже трижды разогревала ужин и несколько раз успела позвонить, спросить, что случилось. Он отмахнулся от нее дежурным: «Все потом». И теперь по пути домой размышлял: какую часть правды ему рассказать Аллочке? Врать не хотелось. Она была славным человечком и не заслужила такого к себе отношения. Но и признаться в том, что бросил все и помчался на происшествие, случившееся с бывшей женой, Гена тоже не мог. Алла не подавала вида и обходилась без претензий, но он-то видел, что ее корбит от одного упоминания имени его бывшей жены.

Смешная, подумал он с нежностью. Никак не может понять, что с Аней все в прошлом.

Он поворочал ключом в замке, понял, что дверь не заперта, распахнул ее. И Аллочка тут же кинулась ему на шею, шепча какие-то нежности и целуя много и часто.

– Малыш, мне надо разуться, – осторожно отодвинулся он от нее. – Я весь в пыли, прости.

– Ох... – жалко улыбнулась она, рассматривая его штаны. – Новые брюки...

В пыль он упал коленями, когда пытался поднять с земли Аню. И вот уж о чем он в тот момент вообще не думал, так это о том, что на нем новые брюки. И что Алла может расстроиться. Он видел съжившееся тело на асфальте, голову в крови и, кажется, дышать в тот момент перестал, боясь, что не нащупает на ее шее пульса.

– Ты был на происшествии? – спросила Алла, стоя за его спиной в ванной, где он в третий раз намыливал руки.

– Да.

– Что-то серьезное?

Он повернулся, она подала полотенце. Милая. Услужливая. Уступчивая. И в глазах застыла тревога. За него, между прочим.

– Что у нас на ужин? – спросил Гена, возвращая ей полотенце и целуя в щеку. – Вкусно пахнет.

– Как ты и просил, ничего жирного и острого, – оживилась Аллочка сразу, увлекая его в кухню. – Овощная запеканка с мясом индейки. Думаю, тебе понравится.

Ему понравилось. И желудок не загло после ужина. И настроение было приподнятым. До тех самых пор, пока Аллочка снова не спросила:

– Так что сегодня стряслось, милый? Ради чего ты пожертвовал новыми брюками? Или ради кого?

Вот говорили ему старшие товарищи, что любящие женщины как сканер. От них ничего невозможно скрыть. Они роются в самых тайных глубинах сознания, извлекают на божий свет все темные мысли. Не верил! Пока с Анькой жил, не верил. Потому что она мало внимания ему уделяла. Ей просто было некогда. И ей, и ему. И на то, чтобы сканировать мозги друг друга, у них не оставалось времени. Иногда так уставали, что только до ванной и сразу в койку. И по будильнику подъем.

А Алла...

Другая она. Чуткая, любящая, внимательная.

– Сегодня было совершенно нападение на Анну, – нехотя проговорил Гена.

Они только улеглись, если что. И у него на нее были планы. И тут эти вопросы. Зачем все было портить?

– На Анну? На твою Анну?

Она даже отпрыгнула от него на другой край кровати, так ее это поразило.

– На мою бывшую Анну, – криво улыбнулся он, пытаясь дотянуться до руки Аллочки.

– Как?! Как это случилось?!

Ему кажется или она страшно перепугана? С чего вдруг?

– Мы уже поехали со службы по домам. Она шла к подъезду, когда кто-то подкрался сзади и нанес ей сильный удар по голове.

Оказывается, озвучивать это оказалось сложнее, чем видеть. Проговаривая, он неожиданно осознал всю серьезность ситуации. А что, если бы Анька не почувствовала движения за спиной? Что, если бы удар пришелся туда, куда был направлен? Ее, что же, уже не было бы сейчас в живых?!

– Она... Она жива, Гена? – голубые глаза Аллы потемнели. – С ней все в порядке?

– Да. Она жива. – Гена резко сел на кровати, поманил свою девушку рукой. – Анька в последний момент почувствовала, что что-то не то, сгруппировалась, удар пришелся вскользь. Но все равно ей вызвали скорую. Медики вызвали нас. Это не шутка: нападение на полицейского.

– И ты ездил с ней в больницу? – уточнила Алла, понемногу успокаиваясь.

– Да.

Он немного напрягся, ожидая упреков и даже слез. Но его милая девушка выдохнула с облегчением:

– Гена, какой же ты молодец! Обожаю тебя.

Она поползла на коленях к нему по кровати, обняла за шею, прошептала, что он самый лучший из мужчин, что ей с ним так повезло, так повезло...

– С ней все в порядке? – неожиданно переполошилась она снова.

– Да. Кажется, да. Легкое сотрясение. Но это лечится. – Его руки полезли к ней под пижамную майку. – Может, хватит уже о работе, малыш? Я от нее устал.

– Нет, не хватит, – шутливо шлепнула она его по рукам, падая рядом с ним на подушку. – Кто на нее напал? Она видела?

Гене пришлось слово в слово передать рассказ Анны. И пришлось следом удивляться, когда у Аллы вырвалось:

– Мужчина? Странно.

– В смысле – странно?

– Нет, нет, это я так. Просто мужчина мог и убить...

Через полчаса он уже спал мертвым сном. Без нервных подергиваний, тяжелых сновидений, ощущения, что вот-вот проснется. Уснул, как умер, – внезапно. И внезапно же проснулся. Потянулся к Аллочке, не нашел. Взял с тумбочки мобильник, осветил. Не было ее рядом. А время половина третьего ночи. Он хотел позвать ее, но счел, что орать на всю квартиру в половине третьего как-то не очень. Алла очень щепетильно относилась к общению с соседями. И ему рекомендовала.

Нашарив трусы на полу, он натянул их, встал и пошел из спальни.

Аллу он нашел в кухне. Вернее, он сначала услышал ее громкий шепот. И ему он показался расстроенным, просто трагически расстроенным.

– Настя, как ты не понимаешь! Услышь меня, прошу! – восклицала Алла сдавленно. – На нее уже напали! Пробили голову. У нее сотрясение. Это... это никуда не годится!

Алла помолчала, слушая Настю. Та в ответ негодовала довольно громко. Разобрать слов Гена не смог, но возмущенный говор слышал.

– Я все, все, все ему расскажу. И плевать... Да, плевать!.. И не общайся! Я так не могу. Он должен знать, что мы сделали.

Тут он не выдержал. Щелкнул выключателем, зажигая точечный свет на потолке, подошел к Алле вплотную. Телефон забрал, проговорил в него:

– Она тебе перезвонит.

И выключил.

– И что вы сделали такого, о чем мне необходимо знать, дорогая?

Неожиданно взгляд, которым он прошелся по ее лицу и телу, не отметил ее привычной привлекательности. Перед ним стояла тридцатилетняя девушка с сильно осунувшимся, поседевшим от переживаний лицом. Тело, которое без конца то худело, то поправлялось. Поперечные морщинки на шее.

Он что же, смотрит на нее, как на чужую? Поэтому и видит все, без ретуши?

– Алла, рассказывай. – Он тряхнул головой, пытаясь прогнать неприятное наваждение.

– Это я... Это мы виноваты в том, что случилось с Анной, – проговорила она, сильно бледнея. – Я тебе все сейчас объясню, милый.

– Попытайся.

Он подошел к раковине, пустил холодную воду из фильтра. Дождался, когда она сольется, и выпил целый стакан. Алла за его спиной говорила, не умолкая. Говорила по большей части чепуху. Но очень неприятную, грязную какую-то.

– С этого места поподробнее, – потребовал он.

Она подошла к тому месту в рассказе, где Настя заметила слезку за Анной.

Алла послушно все пересказала дважды.

– Мне нужен будет регистратор с машины Насти, – проговорил он.

Он стоял с пустым стаканом все так же спиной к ней и размышлял: куда поедет с вещами, если соберет их вот прямо сейчас – в три часа ночи? К Аньке не заявишься. Не пустит. В отель? Дорого. Бессмысленно. Снять квартиру ночью? Такое возможно вообще?

– Нет необходимости в регистраторе, Гена. У меня все на флешке. Можешь посмотреть прямо сейчас. Принести?

– Неси, – кивнул он, присаживаясь к столу.

Вот же курица! Глупая баба! Скрывала от него свою мелочную ревность, зависть, и ничего лучше не выдумала, как следить за Анной! Идиотка! Но...

Но, надо признать, осторожная идиотка. Ухитрилась ни разу не попасться на глаза Анне. Или все же она ее срисовала? И не рассказала ему просто из мстительных каких-то мотивов?

– Вот... – Алла поставила ноутбук перед ним с вставленной флешкой. Сама села напротив. – Давай вместе посмотрим.

– Ты не насмотрелась еще, нет? – фыркнул он, и вышло презрительно. – Алла, зачем?!

– Я хотела быть похожей на нее. Прости, – она заплакала. – Анна, она такая... Стильная, красивая, самоуверенная. Я хотела...

Анна одинокая и ранимая. Но она под дулом пистолета никогда и никому не признается в этом. И никогда не заплачет, чтобы ее пожалели. Станет смотреть пристально. И в ее холодно посверкивающих глазах не будет ничего, кроме презрения и брезгливости.

Какой же он дурак! Разве можно было променять Аньку на котлеты с запеканкой, поданные на красивой тарелке? На вовремя выглаженные рубашки и штаны? На покорность и угодливость, которыми она не славилась, можно было променять ее – гордую, иногда и властную?

– Ты... Гена, ты... Ты куда?! – Алла стояла у входной двери, оперев руки в притолоку. – Я не пушу тебя! Это же просто глупость! Я... Я ничего такого не хотела. И могла бы тебе вовсе не рассказывать. Но я не стала тебе врать. Я поняла, что...

– И я понял, Алла.

Он стоял, не делая попытки убрать ее с дороги. Когда-нибудь ей это надоест, она отойдет в сторону, и он выйдет из квартиры. И никогда уже больше сюда не вернется. В этом он был уверен.

– Что ты понял, милый? – она все же отошла от двери, прижалась спиной к стенке под вешалкой. – Что ты понял, Гена?

– Я понял, что не люблю тебя, – быстро проговорил он.

И, чтобы не передумать, почти бегом бросился из квартиры.

Глава 7

Девушка не очень ему подходила. Она не была юной и свежей. Но в ней ощущался какой-то внутренний надлом. То ли тайная печаль. То ли печальная тайна. И жила она с этим уже очень давно. Иначе откуда сеточка морщин возле глаз и складка между бровями? И взгляд...

Это был взгляд, полный необъяснимой тоски. Этот взгляд просился на холст.

Да, да, он не писал портретов. Он пейзажист, а не портретист. Но после знакомства с Анной неожиданно почувствовал в себе потребность видеть ее в своем доме постоянно.

Он не был самонадеянным глупцом и прекрасно понимал, что такая женщина, как Анна, ему не по зубам. Да и сложно с ней рядом, это он понял уже при третьей их встрече. Насколько прекрасно, настолько и сложно. Ему приходилось постоянно следить за тем, что и как он говорит, поскольку она цеплялась к каждому слову. И не потому, что считала подозреваемым в убийстве его любимой Лидочки. Просто была такой задирой.

Нет, постоянно находиться с ней рядом очень сложно. А вот иметь ее портрет и любоваться линией ее скул, едва уловимой улыбкой, волнами ее волос удивительного цвета карамели – этого ему захотелось сразу. И он принялся за работу.

Конечно, она ему не позировала.

– Смейтесь, Валерий Павлович! – фыркнула она возмущенно. – При моей занятости тратить впустую по два часа в день – это роскошь!

Он тогда не стал ей говорить, что двух часов совершенно точно будет недостаточно. Минимум три, а желательно – четыре. Остерегся. Но попросил фотографию. Она растерялась и ответила, что не припомнит, чтобы у нее имелось удачное фото, способное послужить основой для портрета. И позволила ему сделать несколько снимков. Один получился особенно удачным. Он его распечатал в фотостудии у юноши, когда-то бывшего его студентом. И с этим фото принялся работать над портретом.

Чудны дела твои, Господи! Он сделал портрет за две с небольшим недели! Правда, работал почти без сна, но...

– Восторг! – ахнула Анна, когда он ей его показал. – Как вам удалось? Вы же пишете пейзажи. Или вы что-то от меня скрыли? Или я чего-то о вас не знаю, Валерий Павлович? Чего-то темного и тайного, а?

Вот опять! Она во всем видела подвох и преступление. И он не стал ей ничего объяснять. Это выглядело бы так, как будто он оправдывается. А ему не в чем было перед ней оправдываться. Он просто хотел видеть ее лицо в своем доме постоянно.

Но и об этом он ей сказать не мог...

– Вы позволите?

Он все же осмелился и подошел к ней – печальной молодой женщине, чье лицо его заинтересовало как начинающего портретиста.

– Не позволю, – глянула она строго и поджала губы. – Мест нет?

Она выразительно посмотрела на полупустое кафе.

– И не стоит меня клеить, – ее губы сжались узкой линией. – У меня уже есть мужчина.

Уверенности в ее последнем заявлении не было. И Валерий предположил, что ее невысказанная печаль, возможно, именно с ее избранником и связана.

– Вы меня неправильно поняли.

И он, вопреки обыкновению, потащил стул от ее столика. И уселся без приглашения.

– Я художник. И мне очень понравилось ваше лицо.

Она подумала, подумала и, как-то странно глянув на него, спросила:

– Вы пишете портреты?

– Вообще-то нет. Я пейзажист. Но с некоторых пор мне вдруг стало казаться, что я смогу... Это, знаете, как доктор неожиданно почувствовал в себе потребность повысить квалификацию, и я...

– Как вас зовут?

– Валерий, – представился он церемонно и полез за визиткой в свою поясную сумку. – Валерий Павлович Осетров, к вашим услугам.

Девушка поставила локоток на стол и пристроила на ладошке подбородок. Взгляд ее, подозрительно изучающий Валерия минутой раньше, вдруг наполнился каким-то смыслом. Прозрением даже. И он вдруг понял, что вот оно! Это именно то, что он в ней хотел бы запечатлеть. И, действуя скорее по наитию, чем из каких-то корыстных соображений, он дважды снял ее на свой телефон.

– Что вы делаете?! – вспыхнула сразу девушка, резко выпрямляя спину. – Кто вам позволил?

– Простите! Такой момент был. Я не смог удержаться. Именно этот ваш взгляд я и хотел бы написать. Но поскольку рассчитывать на то, что вы мне станете позировать, я не могу, я вас сфотографировал. Простите!

Он тут же отослал фото и убрал телефон в сумку, чтобы она не стала вырывать его у него из рук. И требовать, чтобы он удалил ее снимок. А он бы не удалил. Потому что одного мимолетного взгляда на экран телефона было достаточно, чтобы понять: он попал в момент.

– Я ведь могу написать на вас заявление в полицию, – немного успокоившись, произнесла девушка. – Вас наверняка знают в этом кафе. Да и визитку вы мне свою дали. Она не подделка?

– Нет. Я на самом деле Осетров Валерий Павлович. Сорока трех лет от роду, не женат, не привлекался, – он широко улыбнулся. И продолжил беспечно болтать: – И я даже могу вам помочь в вашей желании пожаловаться на меня полиции. У меня есть там хорошие знакомые. К слову, тоже любят посещать это кафе.

– Да что вы? – ее брови выгнулись дугами над широко распахнувшимися глазами. – И кто же из ваших знакомых полицейских любит посещать это кафе? Я тоже кое-кого знаю. Может быть... Может, у нас с вами общие знакомые?

– Возможно.

Он радовался как ребенок, что девушка не ушла тотчас, что забыла о его своевольном поступке, что не старается пожаловаться на него официанту.

– Кто это? – требовательно произнесла она.

– Ну... Совершенно точно знаю, что это одно из любимых мест Анны Смирновой. Она давно работает в полиции. Мы познакомились с ней при весьма странных обстоятельствах. Подружились. Вместе обедали. И пили кофе во-он за тем столиком, – он указал подбородком на соседний ряд, на третий от входа столик. – И она, к слову, была первой женщиной, чей портрет я написал. И работа вышла очень удачной. Висит сейчас в моем доме. Радует глаз.

– Невероятно... – она покачивала головой, глядя на него, как на пришельца из далекой галактики. – Анна Смирнова позировала вам? Не могу поверить!

– Вы знакомы с Анной? – удивился Валерий.

– Знакомы. Встречались в этом вот самом кафе. Говорили.

Подробностей не последовало. Но по ее вздоху и убежавшему от него взгляду он понял, что разговор вряд ли был приятным.

– Так вы не ответили, Валерий Павлович. Она позировала вам?

– Нет, конечно. При ее-то занятости! Мы сделали несколько фото, и я писал с большой фотографии.

– А откуда мне знать, Валерий, что вы не подкарауливаете зазевавшихся бедных женщин, не фотографируете их тайком. А потом...

– Что потом?

Он пока не понимал, куда она клонит. На душе у него было спокойно. И он, кажется, начинал понимать, откуда у девушки такая тайная тоска в глазах. Может быть, как раз знакомство с Анной обусловило ее печаль? Может, девушка нарушила закон и...

– А потом вы убиваете их и сами же находите! Это ведь вы нашли убитой свою девушку в парке несколько дней назад? Так писали все СМИ!

Он открыл рот, чтобы возразить. Понял, что возражать глупо, поскольку то, что она говорила, – правда. Частично правда. Потому что он никого не убивал. И не собирался этого делать впредь.

– Так писали. И это истинная правда, – не стал он юлить. – Только обо мне не писали как об убийце. Я просто нашел девушку.

– С которой встречались?

– На тот момент я уже с ней расстался и не видел ее целый год.

– Интересное кино! – фыркнула девушка, которая активно его допрашивала и до сих так и не представилась. – Вы с ней расстались год назад. А она на вашей машине месяц назад раскатывала по городу. Этому имеется объяснение?

– Простите, а вы кто? Вы тоже служите в полиции?

Он изумленно рассматривал ее, уже не находя ее взгляд загадочным. Скорее подозрительным, вездливым, опасным даже.

– Нет. Не служу я в полиции. Но с Анной знакома. Мы с ней пили кофе в этом самом кафе и неприятно разговаривали.

Она замолчала, не сводя взгляда с «того самого» столика.

– Вы... Вы правонарушитель? – предположил Валера, не дождавшись продолжения ее рассказа.

– Ну, если отбить мужа считается правонарушением, то – да, я он и есть, – она грустно рассмеялась. – Ее Гена ушел ко мне.

Валерий тут же вспомнил типа, явившегося в его дом вместе с Анной. Он с первых минут понял, что между ними пробежала черная кошка. Вон, оказывается, все как!

– Насколько мир тесен, – пробормотал он. – Я познакомился с Анной при весьма неприятных обстоятельствах. Она вместе с этим самым Геней приехала ко мне в дом, чтобы задать несколько вопросов о Лидочке. Это же ее я нашел... – зачем-то пояснил он. – Я пишу портрет Анны, потому что типаж совершенно невероятен. Потом встречаю вас здесь. Знакомлюсь с вами, чтобы писать ваш портрет. А оказывается, что ваша жизнь тесно переплетена с их жизнью. Как такое может быть? Это же... Это же удивительно!

– Что именно? – холодно глянула девушка.

– Что вы именно в этом кафе пили кофе, когда я пришел и обратил на вас внимание. Не где-то еще, а именно здесь! Вот повороты судьбы, а!

– Послушайте, Валерий... – она положила голые локти на полированный стол. – Вы человек творческий, поэтому и придумали удивительную сказку. Возможно, вам так проще работается. Подобные мысли будят ваше воображение. Но...

– Но?

– Но все гораздо проще. Прозаичнее!

Ее взгляд сверлил его переносицу, где-то он слышал о подобном приеме у полицейских. И он совершенно точно не станет торопиться с написанием ее портрета. Своими словами она разрушала то, что пленило его в ней, – загадку! Не было в ней того удивительного шарма, что в Анне. Странно, что Геннадий променял одну на другую.

– Я оказалась в этом кафе не случайно, потому что совершенно точно знаю, где любит пить кофе Анна. Я искала с ней встречи сегодня. А тут вы. И внимание вы на меня обратили тоже, думаю, не из-за каких-то моих художественных достоинств. А просто потому, что жен-

щин в кафе больше нет сейчас. Подростки, мужчины. Все просто! Я одна. И я жду Анну. Когда-то она придет сюда выпить кофе.

– Зачем она вам? Вы же забрали ее мужа. Что еще вам от нее нужно? – он не хотел, но высказался грубо. И смутился: – Простите.

– Дело в том, что наш с ней муж ушел и от меня тоже, – лицо ее дернулось в нервной гримасе. – И я хочу узнать, не к ней ли он вернулся? Ему позвонить я не могу. Ей тоже. А здесь... самое место. И да, кстати, вы так и не ответили мне: с какой стати ваша девушка, которую вы якобы не видели целый год, незадолго до убийства разъезжала на вашем автомобиле?

Глава 8

Анна сидела на своем рабочем месте как ни в чем не бывало. Будто и не отвозил он ее вчера из больницы с пробитой головой и перепачканными кровью волосами. В легких черных брюках по шиколотку, белоснежной футболке и белых кожаных кроссовках. Все как всегда, если не считать тонкой полоски пластыря на лбу – когда Аня упала после удара, стукнулась лбом об асфальт. Вчера все ее раны скрывала повязка. Сегодня...

– Ты что здесь делаешь? – проворчал Гена, проходя за свой стол. – Тебе неделю надо лежать.

– Серьезно? Считаешь, что я смогу? Буду лежать и ждать, когда вы найдете того, кто напал на меня?

Отвечала она в привычной манере: не отрывая взгляда от монитора компьютера, не глядя на собеседника и произнося слова словно нехотя, как по великому принуждению. Как же его всегда это бесило! Но сегодня – нет. Сегодня он ей все прощал.

– Что ищешь?

Гена швырнул на стол свою сумку, где в маленьком кармашке лежала флешка. Он не сумел изучить содержимое как следует. От Аллочки он поехал в ближайший мотель и оплатил на всякий случай трое суток. За это время, решил он, разберется с жилищной проблемой. Либо квартиру снимет. Либо попросит Анну пустить его пожить на даче. Все равно та пустует. Им и раньше-то некогда было там отдыхать. Иногда телефонные звонки по службе возвращали их с середины пути. После того как это случилось трижды, они махнули рукой и решили, что отдых в городе в их выходные тоже ничего.

С жильем на три дня определился, но ноутбука в отеле с собой не было. Раньше он все время лежал на журнальном столике в гостиной. Гена усаживался в кресло, и пока Анна принимала ванну или ела что-нибудь на ходу, пытался поработать. После его ухода от Ани ноутбук из гостиной перекочевал на работу. Теперь он лежал в нижнем ящике тумбочки. И Гена надеялся, что сегодня в обед он сможет дотошно, детально рассмотреть запись с видеорегистратора Настиной машины. Выпишет все марки и номера, запомнит всех людей, которые смотрели вслед Анькиной машине. Составит список и станет с ним работать.

Такие у него были планы на сегодня. Он думал, что Анны на работе не будет. А она сидит как ни в чем не бывало. А при ней нельзя. Станет задавать вопросы. Узнает о гадком поступке Аллочки. И не факт, конечно, но, возможно, будет злорадствовать. Типа: выбрал себе счастье.

Что же, Аня имела на это право. Он заслужил.

– Так кого высматриваешь? – повторил он вопрос, усаживаясь на свое место.

– Просматриваю записи с подъездных камер.

– Как результат?

– Пока пусто. То есть не совсем, конечно. Прохожих много. Но никого похожего. Самое интересное знаешь что?

Она подняла на него глаза, горевшие болезненным лихорадочным огнем.

А ведь ей очень больно, понял он. Наверняка напилась с утра таблеток и поехала через силу на работу. Ну что за настырное создание!

Тут же вспомнилось, что точно такими же глазами она смотрела на него, когда выпроваживала из своей квартиры и из своей жизни.

Ей тоже было больно, как она ни пыталась это скрыть.

– Что самое интересное?

– Что этот чел напал на меня в мертвой зоне! – возмутилась Анна, снова направляя взгляд на монитор. – Ни метром дальше, ни метром ближе. Именно в точке, куда камера не достреливает, меня шарахнули по башке. Вывод?

– Человек знаком с местностью.

– Да. Он готовился. Хорошо готовился. Выбрал место и время. Там же в это время почти никого. Все, кто вернулся с работы, сидят дома за ужином. Время выгула собак не наступило. Блин... Тщательная подготовка. Интересно, если бы я не уловила движение сзади, он бы меня добил?

– Хотел бы добить, добил бы. Нет, Ань, тут что-то другое. Может, он думал тебя похитить? Надо еще раз просмотреть все машины, что выезжали и въезжали. Тачку спрятать в мертвой зоне не удастся. – Он покосился на сумку и со вздохом полез в тот кармашек, где спрятал флешку. – У меня кое-что есть для тебя. Думал, сам без тебя просмотрю и изучу досконально, но раз уж ты здесь...

Он отдал ей флешку и, пока она просматривала записи, развел суету с чайником и кофе. Сбежал для начала за свежей водой, потом пошел мыть чашки. Поставил их на своем столе, засыпал кофе из банки, потом сахар. Руки не слушались, он без конца все просыпал, сметал на пол ребром ладони. На Аню старался не смотреть.

– Вот твой кофе, – поставил он на край ее стола чашку. – Знаю, не любишь растворимый, но другого нет. Автомат в коридоре вторую неделю не работает.

– Не суетись, Сидоров, – хмуро посмотрела она на него из-под низкой челки. – Лучше объяснись.

– А что объяснять? Сама видишь, за тобой следят. – Он прислонился задом к подоконнику, шумно втянул в себя кофе.

– Это я поняла. Запись у тебя откуда?

– От следопытов, мать их... – он жалко улыбнулся. – Алла с подружкой развлекалась.

– Серьезно?! – ее лицо сделалось синюшным от бледности. – Она за мной следила? С подружкой? Как давно и как долго? Почему я ее не срисовала?

– Она машины меняла: то на такси, то на своей тачке, то на Настинной, – цедил из себя по слову Гена, поймал взгляд бывшей жены и произнес: – Я только сегодня ночью узнал.

Взгляд был тем самым, от которого ему всегда становилось особенно тошно. Это когда он лаял и не находил себе оправданий. Анька в такие моменты смотрела на него с жалостью и презрением. И чего было больше, попробуй разберись.

– Ты ночью узнал? – Она недоверчиво сощурилась.

– Так точно.

Гена отвернулся к окну. Уставился на летнее ненастье, треплющее зеленую гриву листвы в сквере через дорогу.

– Ночью узнал. Почему мне не позвонил?

– В половине третьего ночи? Серьезно? Ты еле на ногах стояла, когда в подъезд входила. Он покосился на нее через плечо. Она выглядела обескураженной.

– И твоя эта... Алла – внучка аксакала – как-то объяснила свое дикое поведение?

– Я не требовал с нее объяснений, – резко отреагировал он.

Вот так и знал, что начнутся подобные разговоры! Зря он флешку ей отдал. Сам бы лучше разобрался.

– Конечно! Как можно требовать объяснений с такого ангела! Она такая славная, ей все прощается. Это не я – дура, – вечно замотанная и недовольная. Наверняка она оправдала себя как-то. К примеру, что ревновала тебя. А?

Она неожиданно сорвалась с места, встала за его спиной и ткнула согнутым пальцем между лопаток.

– Отвечай, гаденыш! Стоило оно того? Стоило изменять мне с этой... которая за твоей спиной следит за твоей бывшей женой? Может, она и нападение организовала, а? Надо бы ее допросить. Допросишь сегодня в перерывах между вечерним чаем и сексом?

– Нет. Не допрошу. В перерывах. Их не будет.

Он повернулся, и оказалось, что они стоят очень близко. Непозволительно близко. Уже полгода он не ощущал на своем лице ее дыхания. Не слышал запаха ее удивительных духов.

– Почему? – ткнула она теперь согнутым пальцем ему в грудь, она ничего такого не почувствовала, просто злилась. – Потому что жалко тебе ее, да? Или трахаетесь без перерывов?

– Потому что я ушел от нее, Ань. – Он поймал ее руку, подержал в своей и вдруг забыто перевернул ладонь вверх и поцеловал ей запястье. – Ушел я от Аллы. И уже не вернусь.

– Ого... – бесцветным голосом отреагировала она и вытерла запястье о брюки. – Неожиданно. И к кому теперь ушел? Утром ушел или в половине третьего?

– В три ночи. Полчаса разбирался с ней. Собирал вещи. И ушел. И не вернусь. В отеле поселился.

– Меня это сейчас должно растрогать? – ее губы дернулись, но не сложились в улыбку.

Аня вернулась за свой стол, принялась щелкать мышкой, снова просматривая кадр за кадром. Он медленно цедил кофе и не сводил с нее глаз. Вот она, не глядя, вытянула руку к ящику стола, порылась там и швырнула связку ключей на стол.

– От дачи, – буркнула бывшая жена. – Живи там. Далековато ездить, но... Больше ничего предложить не могу. И не стану! Теперь давай поработаем над этим видео. Тут много интересного, Сидоров. Бери стул, присаживайся рядом. И это... Ничего личного, только работа!..

Машин оказалось много. И на проспекте, и в ее дворе. Ничего подозрительного в них не было – машины как машины. Люди ехали на работу, на рыбалку – удочки торчали из окна, в детский сад – малыши в креслах лапали автомобильные стекла, из садика. И почти все машины, что засветились на камерах Анькиного микрорайона, въезжали и выезжали туда-оттуда и днем, и двумя ранее. Все, кроме одной.

– Вот эта тачка! – ткнул он пальцем в машину, замеченную Настей и Аллой на проспекте. – Знаешь, кому она принадлежит?

– Пока нет. Надо сделать запрос.

Еле касаясь указательным пальцем, она поглаживала висок, голова у нее сто процентов болела. Но утащить ее с работы теперь так уж точно не выйдет. Анна взяла след.

– Не надо делать запрос. Я знаю, кому принадлежит эта машина, – проговорил Гена, на всякий случай отодвигая свой стул подальше.

Даже представить себе не мог еще вчера утром, что ее близкое присутствие так его разволнует. Внутри ворочался какой-то острый ком из жалости, любопытства, воспоминаний. И это все неожиданно делало ему больно.

– Кому принадлежит эта машина? – она обернулась на него, проследила за его манипуляциями со стулом, понимающе хмыкнула. – Ну!

– Художнику твоему.

– Осетрову? – Аня принялась покусывать костяшку указательного пальца, недоверчиво посматривая в его сторону. – Это ты только что придумал?

– Это Настя выяснила и сказала Алле. И отказалась продолжать следить за тобой.

– Хоть один разумный человек в твоей компании обнаружился, – проворчала Аня. – И когда она это выяснила?

– Если ты внимательно посмотришь на изображение, то поймешь, что запись сделана за несколько дней до известных событий в лесопарке. И за рулем увидишь девушку, блондинку. Предположительно, жертву. И у меня вопрос...

– Почему Осетров промолчал, что виделся с ней, давал ей свою машину? – перебила его Аня с понимающим кивком. – Главное – с какой стати она ехала за мной? И кто на этой машине приехал в мой двор, чтобы на меня напасть? Гена, едем!

– Куда? – он вжался в спинку стула, так резко Аня подскочила с места.

– К Осетрову, конечно же. Надо задать ему все эти вопросы. И если понадобится, привезем сюда и допросим под протокол и...

И вот тут ей сделалось совсем худо. Она покачнулась, и если бы он не успел ее подхватить, точно грохнулась бы на пол.

– Хватит лапать меня, Сидоров, – простонала она слабым голосом. – Скотина такая...

– Ань, давай я тебя домой отвезу. Ты же на больничном. Ну чего геройствовать?

– А Осетров? Вдруг он замешан? Вдруг эта девушка ехала за мной, чтобы о чем-то сообщить?

– Никуда не денется твой Осетров. – Гена осторожно усадил ее в рабочее кресло, убрал с лица волосы. – Как ты, Ань? Воды?

– Пожалуй, – слабо улыбнулась она. – И, наверное, мне действительно сегодня лучше отлежаться. А ты дай слово, что съездишь к Осетрову и поговоришь с ним. Только беспристрастно, Гена!

Последнюю фразу она произнесла с нажимом, почти по слогам.

– Есть, товарищ подполковник.

– Потом позвони мне и доложи. Начальству пока ничего не говори. Нечего поднимать бурю в стакане, который может оказаться наполовину пуст.

– Или наполовину полон, – привычно возразил он. – Пей, и поехали.

До ее дома они добрались быстро, а вот до жилища художника ему пришлось добираться по пробкам. Несколько раз звонили из дежурной части, интересовались, когда он будет на месте.

– У меня опрос свидетеля, лейтенант, по плану. Я еду на адрес. А в чем проблема-то?

– Начальство интересовалось: почему отдел закрыт?

– Отдел закрыт по причине того, что Смирнова на больничном, я на выезде, а Олег Ольховцев в отгуле. Так и доложи.

– Есть, – кисло рапортовал лейтенант из дежурной части.

И через полчаса снова звонок.

– Товарищ майор, начальство требует отозвать из отгула Ольховцева. По убийству в лесопарке у вас дело встало. Тут еще нападение на сотрудника. На Смирнову. Начальство в гневе, товарищ майор, – понизив голос, оповестил лейтенант.

– Чего ты от меня хочешь, Вася? – вспомнил Гена, как зовут молодого парня из дежурной части. – Необходимо отозвать Ольховцева? Отзовем. Нужен рапорт, вернусь – напишу. Смирнова на больничном, ее не тревожьте.

– Так точно, товарищ майор. А что сказать, если потребуют уточнить, на каком вы выезде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.